

16+

Алексей Уманский

**Вверх и вниз. Хроника
смены в альплагере**

«ЛитРес: Самиздат»

1963

Уманский А. Н.

Вверх и вниз. Хроника смены в альплагере / А. Н. Уманский —
«ЛитРес: Самиздат», 1963

ISBN 978-5-00077-728-2

Перед героем повести, от лица которого идет повествование, стоит задача - за время смены получить спортивный разряд по альпинизму. К поставленной цели ему придется идти, преодолевая физическую слабость, тренируя силу воли, внимание и способность к сотрудничеству. Суровая красота гор, не терпящая фальши, и максимальное напряжение сил побуждают героя по-новому взглянуть на взаимоотношения с женой, которая вместе с ним занимается альпинизмом, но, по-видимому, все больше отдаляется от него.

ISBN 978-5-00077-728-2

© Уманский А. Н., 1963
© ЛитРес: Самиздат, 1963

Содержание

I	5
II	8
III	13
IV	17
V	21
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Вверх и вниз. Хроника смены в альплагере

I

В связке я шел первым, и, когда мы присели на камни отдохнуть, я оказался впереди всех. У самых ног начинался острый длинный гребень. Вдоль него из долины мчался туман. Я сидел на хребте сказочного зверя, ныряющего в серую волну.

Мгла быстро приближалась. Ключья облаков уже лизали скалы, заполняя пустоту по бокам. Солнце исчезло. Видимость упала метров до двадцати пяти. Разговор за спиной смолк, и туман сразу заложил уши.

Лагерь лежал у подножья отрога. Там наверняка лил дождь. Здесь под одежду ползли волокна тумана, и следом по коже бежал озноб. Промокать в облаках случалось и раньше, но давно, уже очень давно, и теперь надо было привыкать заново. Со времени свадебного похода я ведь так и не видел гор. Это было недалеко отсюда и пять лет назад. Значит, и мы с Леной прожили пять лет. И, должно быть, поэтому за все утро после выхода на занятия я впервые подумал о ней.

Мы порядком поддались времени. Не одна Лена – и я. Сейчас она занималась на скалах тремьями метрами ниже, но нас как будто уже ничто не связывало. Случалось, правда, и хуже, – что мы сидели бок о бок, но едва замечали один другого.

Я не хотел так жить, однако это пришло, или мы пришли к этому. Вглядываясь в мягкую, подавляющую мглу, я думал, что будет дальше.

Туман несколько рассеялся. Мы оставили гребень и незнакомым путем побежали с отрога вниз, к лагерю. Теперь я был последним, передо мной – Аля, а впереди – Борис. Видел же я только пятки Алиных ботинок, камни осыпи перед тем, как наступить на них, и веревку между собой и Алей. Осыпь стремительно мелькала перед глазами. Оглядываться по сторонам было некогда. Но порой я успевал взглянуть на Алю и тогда отмечал, что ей трудно бежать. Она явно не привыкла к скорости. Впрочем, мы только шесть дней назад приехали в горы.

Пелена облаков разорвалась. На дне ущелья стал виден казавшийся неподвижным белый от пены поток. Немного погодя к нам долетел его шум. Мы приближались, и шум нарастал. У самой воды он перешел в рев, который трудно было перекричать. Дьяков остановился перед цепочкой камней, ведущей к другому берегу. Мы развязались. Я сел за большой валун на страховку и подал Дьякову знак, что можно идти.

Он двигался точно, без задержек, и еще до того, как он выбрался на берег, я уже знал, что с ним все хорошо. Вторым перебрался Борис. Дьяков отдал ему перила, а сам встал на краю.

Аля не пыталась прыгать. Она сразу вошла в воду, тыча перед собой штычком ледоруба, и благополучно пересекла так несколько стремнин. Но за последним камнем не только она – кто угодно был бы снесен, и Аля в растерянности остановилась. Дьяков жестами убеждал, что не даст ей упасть, но Аля трижды подбиралась к прыжку, прежде чем решилась и прыгнула. Трикони чиркнули по мокрому камню. Аля обеими ногами соскользнула в поток и тотчас изогнулась в объятиях Дьякова под напором воды. Дьяков слегка оступися, но устоял и через секунду вытянул Алю. Только тут и стало заметно, что волна до пояса окатила её.

Двадцать два человека перешли на другой берег. Еще одна девушка угодила в воду, как Аля. Остальные проскочили, не замочив ног. Со мной остались лишь два инструктора – мужчина и женщина. Они одновременно взглянули на меня и придвинулись ближе. Я уже знал, зачем.

Они даже заспорили, кому сесть на мое место. Оба стремились доказать, что не боятся идти последними. Но если уж женщина, не доказав этого, не могла чувствовать себя полно-

ценной, то мужчина и подавно не мог. В конце концов он отобрал веревку. Женщина отошла нехотя. В ней и прежде было мало привлекательного, женского, а после этой сцены на нее и вовсе не хотелось смотреть. Я взял ледоруб под перилами на самостраховку и прыгнул на ближний камень, потом на второй, третий, четвертый... Но, как ни быстро я прыгал, струи внизу летели быстрее. Они и не задевая стремились опрокинуть, и я обрадовался, когда очутился на берегу.

Ребята сматывали веревку. Скрытая от глаз каменной грядой, мрачно ревела Куллум-Су. Солнце, если проглядывало, было тусклым. Верхние части склонов по-прежнему вязли в облаках. Камни мокрыми плешинами торчали из мокрой травы, и садиться на них не тянуло. Я так и остался стоять, хотя чувствовал усталость. От этого еще больше захотелось домой. К счастью, Дьяков скомандовал строиться и быстро повел отряд по тропе к видневшимся ниже крышам альплагеря «Джайлык». От него до нашего «Уллу-Тау» было еще десять минут ходьбы.

Лена была уже дома.

– Ты промокла? – спросил я, стаскивая коробившуюся штормовку.

– Да, немного.

Она ответила, глядя мимо меня. Я нагнулся к шнуркам. Было бы желание говорить, она начала бы по-другому. А так и мне на черта надо...

– А почему вы вернулись с другой стороны? – неожиданно спросила Лена.

Я как раз ставил под кровать второй ботинок. Не думал, что она заметила, откуда мы вернулись, а, главное, что пожелает спросить.

– Не хочешь разговаривать?

– Нет, по-моему, ты не хочешь. Перевалили через отрог и вышли к Куллум-Су.

– А это что?

– Река, в устье которой «Джайлык».

– Понятно. Ну, и как она наверху?

– Да ничего. Снижается круто. Переправлялись с перилами. Тропа на другом берегу.

– Ничего не случилось?

– Нет. Двое выкупались до половины. Да Дьяков оступился, когда вытаскивал их.

– А он вам нравится, Дьяков?

Я подумал.

– В общем-то, да, нравится. Он, может, только на первый взгляд не кажется мастером.

Но мастер он настоящий. Как ты думаешь, сколько ему лет?

– Около сорока.

– И мы так считали. А оказалось тридцать.

– Ну да?

– Борис у него самого выяснял. Сначала, конечно, трудно было поверить – глаза выцвели, кругом морщины, да еще лысоват. Но если приглядеться как следует – ему действительно не больше тридцати.

Лена не ответила. Вероятно, возраст Дьякова напомнил ей о собственном. Я усмехнулся.

– Не бойся. К тебе это не относится. Он все-таки каждый год месяца по четыре печется под горным солнцем. А к тому же, видимо, пьет.

Лена покачала головой.

– Он давно уже мастер?

– Года четыре.

Мы помолчали.

– А как у тебя прошел спуск?

– Плохо. Немного лучше, чем раньше, но бегать над обрывами я все равно боюсь.

Я вспомнил Алю.

– Это пройдет. Не сомневайся.

– Кто его знает. Хорошо бы. А вот как с рюкзаком подниматься буду, это еще хуже представляю себе.

– Поздно, – подумал я, – теперь поздно.

Представить себе надо было раньше – до того, как я выбрал отряд. Меня-то ведь до самого конца удерживала мысль, кто тогда будет помогать Лене. И лишь в ту минуту, когда уже больше нельзя было откладывать выбор, и я сказал, что желаю ходить со значкистами, не с новичками, решение впервые показалось не только бесповоротным, но и таким, наконец, каким оно должно было быть.

– Вы скоро уйдете из лагеря? – спросила Лена.

– Послезавтра. На пять дней.

– А нам пока не сказали. Наверно, через день после вас.

– На сколько?

– Еще не знаю.

Я прикинул, сколько нам придется не видеться. Выходило не меньше, чем дней шесть или семь. В это время ударил гонг к обеду. Я быстро сбегал на речку помыть руки, но, вернувшись домой, уже не застал там Лену. В столовой мы сидели на разных местах, каждый со своим отделением. Ждать меня не имело смысла. Она и не ждала.

Я поднялся на террасу. Собаки сгрудились вокруг таза, до половины погрузив морды в харч. Обед едва начался, а объедков было уже предостаточно. На них можно было бы держать не одну свору собак.

Я протиснулся к столику. От шума, тесноты, от вида неаппетитной приевшейся пищи разом навалилась усталость. Мне было видно Лену. Она принимала с подноса тарелки. За общим столом Лена охотно выполняла работу хозяйки. Дома это не всегда было ей по душе.

Мы отдыхали у себя в комнате. Свет был сумеречный, тусклый, но Лена читала. Я смотрел на мокрые крыши зданий, раздумывая, выйдет ли мой отряд послезавтра, если не кончится дождь. Мне уже не хотелось идти даже в хорошую погоду. Но давать задний ход было поздно, по какой бы причине ни хотелось теперь его дать, – из-за рюкзака ли, непогоды. Или из-за Лены. Лена-то, правда, еще не забеспокоилась. Но если до поры до времени ей трудно было представить, каково придется наверху без меня, то уж могло бы насторожить, заставить задуматься другое – как это я отпустил ее в горах одну? Но она не задумалась, не насторожилась, ничего не почувствовала, потому что была слишком в себе уверена. Сразу изменить представление обо мне она еще не могла.

Я прислушался. В тишине проступило что-то новое. Как если бы остановились часы. Однако мои продолжали идти. Я прислушался снова и взглянул на соседнюю кровать. Книга лежала на одеяле. Лена спала. Волосы у нее почти не сбились. Грудь чуть заметно приподнималась под свитером и опадала, но вдох и выдох не были слышны. Свитер доходил до бедер и вместе с брюками подчеркивал контуры ног.

Первое время меня сдерживало, что Лена спит; затем желание изменилось, не утратив своей остроты. Ни в каком другом состоянии я лучше не сознавал, насколько она женщина, и все же мог не трогать ее, смотреть и не трогать – смотреть в это время было важнее. Потом – в темноте ли, при свете – она уже не проникала вот так, и облик постепенно ускользал из сознания, потому что вместо всего ее тела ощущалась одна его женская суть. Дальше незачем становилось помнить, с кем ты – с той ли, кто тебя вызвал, или с другой. Суть была одинакова в каждом теле, и каждое, когда ты доказывал обладание, вводило тебя в весь женский пол. Природа строго следила за этим. Оттого и правильный выбор не кончался влечением к одной. Мы могли лишь желать себе единения, а от тяги к другим это не избавляло. И однако, кого бы ни вспомнить, я не жалел о верности Лене. Да и большего воздействия, проникновения все равно не бывало ни с чьей стороны.

II

Мы шли в нижний лагерь. Впереди по тропе вспыхивали и гасли огоньки фонарей. Изредка нам подсвечивали сзади, и тени кидались от сосны к сосне, пока темная фигура вслед за конусом света не обгоняла нас.

За поворотом тропа стала совсем неровной. Я полез было в карман, но Лена молча затолкнула фонарик обратно. Мы пошли медленней. Над кронами можно было различить облака и кое-где звезды. Лена сказала:

– Знаешь, пока я тебя ждала, меня приглашали в «Джайлык».

– Кто? Ваши ребята?

– Нет, один, по-моему, из твоих.

– Который приходил за пластырем?

– Нет.

– Да, – подумал я, – этот не мог. И Борис был со мной. Значит, Ахмет старался использовать мое отсутствие.

– Но ты-то отделала его?

– Да. Я разозлилась.

– А другого?

– Первого, хочешь сказать. И его.

Ей самой – не только мне – было приятно, что она так ответила.

– Умница, так и надо, – сказал я, улыбаясь и шагая наперерез.

Она не успела остановиться, и когда я вдобавок притянул ее к себе, лица коснулись, и по моей щеке быстро чиркнули ресницы.

На деревьях, окружавших поляну, играли отблески пламени. Издали были видны горящие в костре стволы и сгрудившаяся вокруг людская масса. Слышалась песня, но какая, сначала нельзя было разобрать. Потом стало ясно, что там наперебой пели несколько песен. Мы обошли костер. Люди без дела слонялись между кучками крикунов и разговаривали в полный голос – иначе было не слышно. Но для чего здесь устроили сборище, видно, мало кто понимал.

– Как считаешь, вроде бы незачем оставаться, – сказал я.

– Еще бы, конечно.

Мы отошли к опушке, однако вернулись, вспомнив, что не набрали воды. Поверхность ручья была не видна, но она, пожалуй, угадывалась благодаря совершенно однородной черноте. Пузырьки в горлышке фляги все булькали, а руку уже ломило от холода. Ручей выбивался откуда-то из-под скалы. В «Уллу-Тау» такого не было, и нам нравилось брать воду не в Адыр-Су, а здесь.

– Готово, – сказал я, завинтив флягу.

Мы посмотрели назад. Вокруг костра металась фантастические тени. Издали он был хорош – не хуже, чем всегда.

За поворотом дороги не стало слышно голосов. Рядом глухо рокотала ближняя протока Адыр-Су. Здесь было светлей, чем в лесу, и впереди, чуть поблескивая снегами, заметная даже в ночи, высилась гигантская стена Уллу-Тау.

Мы двигались молча, нащупывая дорогу ногами, не отрывая глаз от стены. На другое можно было насмотреться и дома. Но не на это. Иначе мы бы и не приехали сюда.

В комнате показалось прохладно. Я запер дверь. Занавески на окнах уже были задернуты, но Лене понадобилось, чтобы я еще выключил свет. Она как раз подняла свитер до груди, да так и остановилась, заметив, что я медлю. Я ждал.

– Ну, что же ты? – рассердилась она.

Свет погас, и Лена вновь зашуршала одеждой. Я в точности мог сказать, когда и что именно она снимает, но это уже не имело значения. Все было известно наперед.

Слегка отстранившись от нее, я какое-то время лежал, не шевелясь. В голове было пусто и ясно. Ничего неожиданного не случилось. И ничто долгожданное не пришло. Что ощущала Лена, я знал не больше обычного. Она лишь сонно пробормотала: «Погладь меня...» и смолкла.

Глаза слипались, но их кое-как удавалось открывать. Я гладил Лену. Она спала, но ей все равно было приятно, – это я знал. Собственно, нравилось баюкать и мне, только в узкой кровати это утомляло. Однако пришла моя очередь потерпеть. Это было не так уже трудно. Ну, а ей во что обходились уступки мне?

Сначала я не хотел доискиваться, но голос внутри меня не умолкал. Видно, это имело значение, и я было принялся думать, но мысли уже начали путаться, и я почти ничего не сказал.

Лена знала, что накануне выхода я не любил оставаться один. Но на этот раз я был слишком занят и почти не замечал ее. Все, что в лагерях доставалось участникам, могло стать годным лишь при условии, что ты сам приведешь это в порядок, а сегодня это надо было сделать за двоих. Слава богу, хоть трикони у нас с Леной были новыми. Их, правда, очень не хотели давать.

Лишь к вечеру я уложил рюкзак и с тяжелым чувством отошел взглянуть на него. Рюкзак возвышался в углу, как готовый к переноске надгробный памятник. Он и весил, наверно, не меньше. Впрочем, я с самого начала не сомневался, что будет так. Но после ужина решил о нем больше не думать.

С террасы доносилась негромкая музыка. Это не было радио, и мы с Леной вышли взглянуть, кто играл. Во дворе становилось темней и темней по мере того, как люди, вылезавшие на музыку, гасили в комнатах свет. Однако на террасе главного здания света хватало. Вокруг двух музыкантов быстро густела толпа. Слушать было приятно. Играли хорошо и притом что-то невероятно знакомое, но что – я никак не мог угадать Аккордеонист со светлыми усами и баками в черноморском стиле, несмотря на значок второй ступени, выглядел соблазнителем невысокого разбора. До гитариста, стриженного под Жерара Филиппа, ему было далеко. Оба парня сидели хмурые, но это не мешало им поглядывать на девушек, стоявших в кругу.

– Черти, где пропадали? – прогудело у самого уха.

Я обернулся. Рита просунула голову между Леной и мной. Это было в ее манере. Я ответил толчком в плечо. Рита притворно захныкала.

– Брось, сказал я. – Лучше скажи, где эти деятели раньше играли? Я уже вроде как слышал их.

– Здесь вот и слышал. Только по записи. В прошлом году с ними еще и трубач был.

– А-а. Теперь ясно, чего не хватало. Не мог узнать без трубы.

– Рит, а что они злятся? – спросила Лена. – Что их, заставляют играть?

– Да, их заставишь – в первый раз за год вылезли. И в последний. Разругались с Поленовым. Завтра им уезжать.

– А в чем дело?

– Точно никто не знает. Поленов задел, а они взяли и написали заявления об уходе. Тоже придумали, умники. А у Владьки и жена работает здесь.

– У этого, – уверенно подумал о гитаристе.

– Вот у него. – Рита показала туда же. – Теперь и Нинке из-за него с места срывать.

А они тут рассчитывали пробыть весь сезон.

– А жена у него инструктор? – спросила Лена.

– Нет, она в столовой.

– Значит, беленькая, с альпинистским значком?

– Откуда ты знаешь?

– Ниоткуда не знаю, сказал я. – Просто смотрел на нее и думал, для чего она так старается, чтобы не приставали? С виду хорошенькая, не стерва, а так шваркает с подноса тарелки, что при мне у нее никто добавки не попросил.

– А без добавки не стоит приволакиваться?

– Само собой. Будь она только альпинистка – другое дело. Но раз она официантка, и в ее распоряжении жратва, любой голодный сообразит, что дело нестоящее, и никакой жалости у нее нет. Даже если не слышать о муже.

– Молодец Нинка! Так с вами и надо!

– Ну да, все равно это без толку. Рано или поздно, его тут наверняка подберут. На восхождения она же с ним не ходит.

– Нет, ты не знаешь. Владька замечательный парень

– То-то и плохо. Пусть он только останется здесь один. Да она и сама это знает. Ты присмотришься.

Музыка остановилась. Из толпы пробасили:

– Вот вы играете, а никто не танцует.

– А вам что, обязательно приглашение нужно? – огрызнулся Владик.

Его разбирала злость. Повременив, он с напарником заиграл снова. К музыке присоединился шорох множества ног.

– Тебе это что-нибудь напоминает? – спросила Лена.

– Ясиня¹.

– Похоже, верно?

– Еще бы. Только музыка здесь своя.

В Ясиня мы ездили зимой, с лыжами, но вечерами тоже только и оставалось, что танцевать.

– Там, небось, и сейчас всё танцуют.

– Да, в Ясинях всё танцуют, – повторила она.

На тренировках мы оба тогда получили по растяжению ноги, но, несмотря на это, пошли в поход. От него и остались лучшие Карпатские воспоминания. Жесткий ветер на Блезницах. Поземка. Темноватое небо с только что засверкавшими звездами над Говерлой и Петросом. Ночные ели на Драгобрате. Синий-пресиний лес на склоне хребта Черногора.

Я вел Лену вдоль края террасы. Высоко над Лениной головой была видна Уллу-Тау. Её появление перед глазами всегда настораживало, напоминая, что ты забылся, а она-то давно и неотрывно следит за тобой, как раньше с усмешкой следила за множеством поколений, сошедших на нет.

Я повел Лену обратно. Перед нами двигались и расходились другие пары, а в стороне сидели два музыканта, знавшие, что здесь их песенка спета, а окружающих волнует только «керосин». Знакомства завязывались полным ходом. Стороны прощупывали почву, либо намекали, что она у них есть. Вроде бы после этого не стоило медлить, но большинство все-таки медлило, словно не легче было сразу наладить связь. У меня такая уверенность появилась давно, хотя и без видимой надобности, но чем дальше, тем в большей степени она определяла, как мне себя вести, когда дело касалось женщин.

Музыканты перешли под большую сосну, оставленную в центре лагеря. К ним присоединился еще один гитарист. Сначала инструктора косо поглядывали на непрошеного партнера, но тот здорово старался не портить, всегда наперед угадывал, где мог соврать, и тогда выжидал до знакомого места с занесенной над струнами рукой.

Ребята начали петь. Крикунов хватало, но у меня вкус к разухабистым песням давно и безвозвратно прошел. Было просто удивительно, что когда-то я с неменьшим азартом орал

---

¹ 1. Поселок в Закарпатской области.

такую же чушь. За день я порядком устал, и стоять в кругу уже не доставляло удовольствия. Я предложил пойти спать. Лена была не против.

Когда я поцеловал ее на ночь, она сказала:

– Разбуди меня перед уходом. Я хочу проводить тебя.

Стук в дверь разбудил меня в половине четвертого. Я оделся и вышел. На обратном пути к дому начали встречаться тени, звякавшие триконями о гальку.

Лена уже не спала. «За тобой приходили,» – сообщила она. Я молча шнуровал ботинки. По шуму, доносившемуся с площадки, отрывочным возгласам и стуку дверей было ясно, что начали строиться. Я натянул штормовку и обнял Лену. Она освободилась.

– Иди, тебе пора.

Я с трудом взвалил на себя рюкзак. Лена нагнулась за ледорубом и подала его мне. Мы вышли. Дьяков как раз пересчитывал, кого нет.

– Поздновато, поздновато, Михаил, чикаемся, – проворчал он.

Я не ответил. Тем, кто явился позже, он замечания не сделал. Лена стояла в стороне, ожидая, когда мы уйдем. Наверно, ей очень хотелось спать. Быстро светало. Я подумала, что теперь она, пожалуй, не уснет.

Дьяков отдал команду: «За мной!» Лена приблизилась и зашагала рядом, но рукой я бы до нее не достал. Мы перешли через первую протоку – ближнюю к лагерю. Лена остановилась. Я повернулся и яростно замахал. Мне запомнилось, как она села на камень, как поднесла к лицу аппарат, а потом опустила его и тоже взмахнула рукой. За это я и любил, что у нее все получалось красиво. Но она так и не поцеловала меня на людях еще раз.

Вскоре сделалось жарко. На привале я скинул свитер и тут же, продрогнув на холодном ветру, подумал, не рано ли, но через пять минут, взвалив на себя рюкзак, снова почувствовал, что некуда будет деться от перегрева.

Мы шли уже не вдоль Адыр-Су. Тропинка упорно ползла вверх и вверх по правому борту долины, и ноги едва справлялись с подъемом. Но все же плечам доставалось сильней. Ремни, казалось, насквозь продавливали мышцы, и, как я ни старался уменьшить давление, пригибаясь или поддерживая рюкзак руками, это не приносило облегчения. Зато дышать становилось тяжелей. С болью уже нечем было бороться. Я только и мог, что оттягивать передвижку рюкзака, хотя каждая секунда промедления казалась последней упущенной возможностью пресечь режущую боль; но на смену первой секунде приходила другая, третья – или какая-то следующая, если я сбивался со счета, и благодаря этому время все-таки шло.

Впрочем, я не смотрел. Часы лежали в кармане. Там от них было больше толку: не хотелось поглядывать и не так затекала рука. С часами отек получался заметный – «сердце», – сказала бы мать. Что ж, оно тоже тащило рюкзак и вразмах изнутри колотило по ребрам. Однако этого было мало, чтобы кровь в достатке притекала к плечам и ногам.

Мы поднялись к пологому, залитому солнцем склону с хорошей травой и слегка углубились вверх. Я не уговаривал себя, что теперь стало легче. Силы убывали. Через десять минут после очередного привала они растратились полностью, точно их не было вовсе, а тут и дальше предстояло набирать высоту. Ниже и справа от нас, судя по кое-где видимым теперь изломам кромки, находился обрыв. Значит, из-за него тропа поднималась на кручу. По описанию я не запомнил ее.

Ущелье поворачивало влево. Скалы, обращенные на юг, только-только начали улавливать солнце. Зато восточную стену отрога свет заливал целиком.

У ручья сразу после завала тропа разделялась. Левая вела вверх, к гребню морены, правая – вниз, к леднику Адыр-Су. Отдохнув с нами несколько минут, доктор встала и попрощалась. Она шла к джайльковцам, палатки которых, размером не больше спичечных коробков, виднелись рядом со льдом. Доктор впервые оделась по-альпинистски, и, пока нам было по пути,

я иногда поглядывал, как она идет, прилежно шагая за Дьяковым. Вероятно, ей еще не случилось оказывать помощь наверху.

Студенты не устояли перед соблазном умыться лица в ручье, забыв, что из-за этого могут полопаться губы. Затем они взобрались на гряды и позвали Бориса сниматься, но тот не пошел. А зря. На фоне Уллу-Тау даже групповой снимок был бы хорош, и уж кому-кому, а Борису они бы напечатали фотографию. Однако он тоже измотался и бегать по пустякам не захотел. Ему исполнилось больше, чем любому из нас. Тем не мене, мы были студентами ровно в одно время. Я запомнил его по майскому слету «Науки» в тот год, когда ездил в «Алибек», а еще через год мы столкнулись у башни в Царицыно, и по тому, как он держался среди ребят своей секции, я не подумал, что он всего лишь значкист. Впрочем, по туризму у него был первый разряд, и уже тогда он состоял в каком-то центральном совете.

Пока я исподволь снимал студентов, на меня не обращали внимания, и лишь потом оглянулась девушка с красной повязкой вокруг собранных в косу волос. На солнце они выглядели золотыми. Я не узнавал, как ее зовут, а просто так ни от кого не слышал. Мы уже несколько секунд не отводили глаз друг от друга, когда она дала знать, что хочет, чтобы я перестал смотреть, но вдруг поняла, что интерес не праздный, и на нее смотрят без вызова, и удивилась, – я ясно понял, что удивилась, и вслед за ней отвернулся сам. Мне вспомнилась Лена, ее лицо. Я никогда не брал с собой ее фотографии. Гораздо лучше было просто видеть. И пока получалось так, я не сомневался, что люблю именно Лену, а не другую.

Мы только-только ползли вверх по морене. Подъему не было видно конца. Дьяков по-прежнему шел впереди, но из любопытства оглядывался. Его забавляло, как быстро мы выбились из сил. Но уж на это мне было плевать, черт бы его побрал, над чем бы он ни находил уместным смеяться. Мы сами знали, как выглядим, а главное, зачем встряли сюда. Шаг, еще шаг, шаг, шаг. Морена все еще тянулась вверх, когда Дьяков неожиданно поставил рюкзак на землю. Тут я увидел выровненные на гребне площадки для палаток.

III

С верховьев ледника Адыр-Су задувал ветер. За ним не было слышно рева наших двух примусов. Теперь я уже чувствовал себя в походе, не на марше, а именно в походе, так как, отойдя от дома, наконец, по-настоящему понял, что не скоро и только длинным круглым путем смогу вернуться туда. Начавшаяся жизнь больше не увлекала, – снова, как много раз раньше, нужно было закончить маршрут, чтобы она опять начала привлекать. Ребята помалкивали. Переход никого не обнадежил. А он был первым и не самым трудным из всех, которые еще предстояли.

Вода закипела, и девушки смогли занятьсястряпней. Они готовили обе на равных правах, и все же командовала Аля. Другую это сразу вывело бы из себя, только не Сашу, в чьем умении было держаться так, словно ей не только не мешали варить, но и ничем, ровным счетом, не задевали.

Суп доварился, когда в примусе Бориса выгорел весь бензин. Я полагал, что его хватит минут на сорок, но примус оказался не таким, как мой, и для Бориса это тоже было сюрпризом. Мы подождали, пока корпус остынет, и лишь потом смогли наполнить резервуар.

Солнце несколько раз проглядывало и скрывалось. К завтраку или обеду, как бы его ни назвать, аппетита не осталось и в помине, несмотря на то, что до этого очень хотелось есть. Недоеденный суп, около половины кастрюли, мы отдали студентам, не имевшим горячей еды. Они до сих пор тщетно бились с обоими примусами. Из-за этого и в других отделениях начали косо поглядывать на свои. В лагере мы проверяли примусы все вместе, и у студентов они горели не хуже, чем у других.

Дьяков предложил девушкам середину палатки. Вопреки ожиданию, Аля решительно отказалась.

– Рядом с Чумаковой я спать не буду, – заявила она.

– Почему? – спросил я.

Привычка называть Сашу по фамилии уже давно начала раздражать.

– Она всю ночь не дает покоя. Брыкается, мечется – вот удовольствие! Нет, я не хочу.

Трудно было понять, откуда брались такие претензии. Не к ней же ложились в постель, в конце-то концов!

– Ну, – сказал я, – отговаривать никто не будет, если сама хочешь лечь у стенки.

До сих пор Саша молчала. Видно, Алина выходка покорила даже ее. Однако теперь она не удержалась от улыбки.

– Ничего, и у стенки не буду мерзнуть.

И не стала добавлять ничего.

Когда в палатке все было устроено, Дьяков и Аля вышли. Мы с Сашей остались вдвоем. Солнце просвечивало сквозь тент и окружало ее голову мягким сиянием.

– Ты давно научилась снимать? – спросил я.

– Нет, недавно.

– Видно, – аппарат совсем новый. Я все время путаю Алин и твой. Небось, и покупали вместе?

Саша кивнула. Улыбка у нее всегда получалась дружеская, безотносительно ласковая. Слышалось шуршание пленки.

– Вы в одном институте?

– Да.

– Ты инженер?

– Нет. Это Аля – инженер. Я-то – техник, правда, теперь уже старший.

Она опять улыбнулась.

– А ты давно снимаешь кино?

– Года полтора.

– Ну, уже много.

– Нет, конечно. Но кое-что все-таки поснимал.

– А Лена сейчас снимает на фото?

– Да. Потом поменяемся, и все будет наоборот.

Саша не улыбнулась.

– Хорошо, что вы и в горах бываете вместе. Тебе повезло.

Я решил, что мало шансов ошибиться.

– А ты замужем?

– Замужем.

– Недавно?

– Месяц. Еще и свадьбу не праздновали.

– Смотри, как удачно спросил. Поздравляю.

– Спасибо.

– А он альпинист?

– Нет еще. Может быть, станет.

– Будет зависеть от тебя?

Саша слегка покраснела и пожала плечами. Про себя она, видимо, свыклась уже с новой ролью, но внешне – еще не вполне.

– Кто он у тебя?

– Инженер-металлург. Верней, скоро будет. Сейчас он на преддипломной практике.

– Мы с ним почти коллеги.

– Хочешь, покажу тебе его?

Я и кивнуть не успел, как ее рука очутилась рядом с карманом. Саша достала записную книжку. Сначала я увидел обратную сторону фотографии и подумал: «Шесть на девять». Потом увидел лицо. Парень был ничего, но выглядел замкнутым. Я кивнул.

– Он из Средней Азии?

– Да, он таджик.

– Где же вы познакомились? На Памире?

– В Ленинграде.

– Ну и случай.

– Да. – засмеялась она. – В командировке. Мы с подругой впервые очутились в городе, ну, представляешь? Как с вокзала идти – и то не знали. Смотрим – навстречу парень. Подруга и говорит: «Давай спросим», – а я: «Еще чего – он и сам не здешний». Однако спросила.

– И вот результат?

Саша кивнула.

Мы перестали смеяться, но улыбки так и не прошли. Саша вспомнила мужа, а я очень хорошо видел Лену, какой она была, когда я впервые увидел ее.

Мы по очереди выбрались из палатки. На ветру сразу стало заметно, как разгорелось лицо. Борис и студенты пели песни. Их до этого тоже не было слышно. И я вполне пришел в себя, лишь когда посмотрел вниз, на ледник, а потом опять на морену, в ту сторону, откуда мы поднялись. Из лагеря, от Лены.

Этот и весь следующий день были отданы последним снежно-ледовым занятиям. Пообедав, мы рано, дотемна улеглись спать. Снаружи сгустился туман, но у нас было так уютно, что, засыпая, я не подумал о нем.

Мы поднялись около трех и заспанные, в полной темноте, спотыкаясь и задевая ледорубами камни, спустились с морены на ледник. Инструктора подсвечивали себе фонарями. Лед

был твердый, и шаги жестко отдавались в мозгу. Связываться пришлось перед взлетом, на котором мы занимались вчера.

– Борис! Ты готов? – крикнул Дьяков.

– Готов, готов! – бодро отозвался Борис, не спросив ни меня, ни Алю.

– Тогда пошли!

Зазмеившаяся по камням веревка показала, что они выходят на взлет. Ругая Бориса, я уже находку подобрал ее в кольца и взял на темляк ледоруб.

Чернота ночи сменилась густыми сумерками. Снег выглядел, как закопченный, хотя копоты неоткуда было взяться. На его фоне смутно выделялись фигуры Дьякова, Бориса и Али. Я ждал, что скоро прояснится, но мы шли и шли, а по сторонам все так же не было видно ничего. Склон становился то круче, то положе, и почти за каждым перегибом направление изменялось, так что я не имел представления, где мы идем.

Наконец Дьяков сказал, что мы на перевале. Место на самом деле было ровное.

– Отсюда еще час, – негромко добавил он.

Мы подождали цепочку и снова пошли вверх. И опять я не знал, много ли пройдено, сколько осталось, а просто шагал и шагал. Это не было слишком трудно, но все же ноги слушались неохотно, и бесил спрятанный под штормовкой киноаппарат.

Крутизна склона заметно упала. Мы поднялись на верх купола. «Вершина,» – подумал я без всякой радости. «Вершина?» – спросили сзади, но мы еще продолжали двигаться, и тут впереди я увидел скалы вершинного гребня. Мы подошли к нему.

Гребень был весь живой и еле держался. Все, за что ни бралась рука, покачивалось или съезжало. Слева сторожила пустота, вправо скалы падали круто, но без отвесов. Впрочем, при падении это ничего бы не смогло изменить. Мы осторожно двигались к туру. Я старался смотреть только под ноги, но пустота все равно лезла в глаза, не давая забывать о себе и возбуждая неприятное желание заглянуть. В пределах видимости на стене не было ни единого выступа. Там, задевая лохмотьями скалы, бесшумно крутились облака.

Я присел рядом с туром, отвернувшись от отвеса. Пустота все равно ощущалась спиной. Дьяков достал и прочел записку. Восхождение к тому и свелось, чтобы снять ее с высоты 4130 метров и на ее место вложить в банку свою.

– Саша, остановись! – неожиданно крикнул Дьяков.

Я оглянулся. Саша, ерзя по камням, потихоньку съезжала к отвесу, чтобы поймать кого-то в свой кадр. Она даже не оборачивалась, зная, что сзади торчит крупный камень. К нему-то она и хотела привалиться, как если бы это был стул. На окрик она не обратила внимания.

– Тебе говорят или нет! Прекрати! – вне себя крикнул Дьяков.

Не мешай мы ему на гребне, он бы, возможно, бросился к ней и ударил бы, но остановил. А так эта чертова дура все ползла к камню, не отрываясь от аппарата, и никто и не думал ее остановить.

– Соображаешь, что делаешь? – крикнул я.

– А что? – отозвалась Саша.

Она так ничего и не поняла. Я не слышал, кричал на нее еще кто-нибудь или нет. Спина уже коснулась камня. Теперь ему полагалось качнуться и начать медленно-медленно опрокидываться. Камень, однако, не шевельнулся. А ведь я хорошо запомнил, как он ходил ходуном, когда пришлось его пробовать. Дьяков дошел до полного исступления, пока Саша, наконец, не спустила затвор. Было просто удивительно, как это он не обрушился матом. Могла бы загреть не одна, – вместе со связкой, а отвечал бы он и никто другой.

Мы спустились на снежный купол. Гребень и пустота уже не действовали на нервы. Пьянящая радость захватила и понесла вниз, как только мы побежали с вершины, ставя ноги в снег и туман. Похоже было, что все рехнулись. Безликий рассеянный свет не давал теней, и увели-

чение крутизны угадывалось только ногами по все возрастающей скорости, с какой они печатали след. «Что-то уж слишком быстро», заподозрил я. Борис спохватился тоже. Мы сбавили темп. Мимо пронеслась связка, опять с Сашей, без тормозов. Кто-то из них упал. Веревки перепутались. Три серые фигуры покатались по склону и лишь на границе видимости, наконец, задержались. На сей раз Дьяков ругался на чем свет стоит. Нам он сказал, что под склоном бергшрунд.

Мы не делали остановок до самого ледника. Его поверхность еще не начала таять. Около восьми утра мы вернулись к палаткам. Усталость и отупение сказались уже в полной мере. Но на сегодня это был только первый подъем.

Спустя два часа, перекусив и свернув лагерь, мы двинулись дальше по нашей морене и в ее верховье сошли на ледник. В этой части он был заснежен. В лицо зарядами хлестала крупа, но пелена облаков изредка разрывалась, и тогда проглядывал гребень Адырского отрога, через который предстояло перевалить. Он был очень красив – скальная, местами заснеженная стена с высокими башнями. Я не очень представлял, как мы туда залезем, но рассуждать было слишком тяжело. Киноаппарат мучил больше, чем когда-либо раньше, и особенно – мысль, что я взял его с собой. Лишний килограмм веса.

Ледник позволял подниматься вверх, не заботясь о скрытых трещинах, зато идти в лоб было очень тяжело. Аля несколько раз внезапно замирала на месте, выгадывая секундный отдых. Я замечал это, когда наталкивался головой на кастрюлю, притороченную к ее рюкзаку, и тихо ругался: «А, черт!»

Время опять ускользнуло из сознания. В сгустившейся мгле я не сразу заметил, что ледник перешел в крутой контрфорс. Мы проваливались в снег по колено, ледоруб входил в него весь. Я смотрел в основном перед собой и видел только ступени, да пятки Алиных ботинок на уровне своего лица, но иногда заглядывал и в стороны, куда не обязательно было смотреть. Склоны падали очень круто, – шаг в сторону, самое большее – два, – и можно было начать полет без какой-либо надежды задержаться.

И все же задержать чужой срыв, бросившись с гребня в другую сторону, было нестрашно – не то, что на Местии, где кромки камней только и ждали случая перерезать капрон.

Вероятно, мы шли часа два или три. Ноги устали. Вдох и выдох приходились на каждый шаг, но пока еще не было нужды непрерывно подхлестывать себя. Я не думал, скоро ли это кончится. Появилась уверенность, что вот так можно спокойно дойти. Я старательно утапывал ступени для тех, кто поднимался за мной, а для себя глубже загонял в снег ледоруб и был поглощен этим и радовался, что за мной не остается плохих ступеней и все шел, шел, шел, пока не очутился на перевале Грановского.

Мы отдыхали на рюкзаках у подножия рыжих скал и, разгоряченные, несколько минут не чувствовали холодного ветра. Однако потом задрожали. Ветер гнал с перевала облака, и я начал снимать. Должно быть, поэтому нас сразу подняли.

Первым, что бросилось в глаза за перевалом, была трава. Она росла далеко, в глубине долины, куда стекал большой широкий ледник, и от нее на первых порах было особенно трудно оторваться. Видимо, после двух дней, проведенных в окружении льда и скал, можно было успеть заскучать по ней.

IV

Спуск на ледник мы начали последними. Дьяков, видимо, решил понаблюдать сразу за всем отрядом, и не ошибся. Тут было, на что посмотреть. Большинство еле держалось на ногах. Снег вдобавок раскис, и к подошвам липли подушки наподобие пресс-папье. На них было бы здорово кривляться в цирке, но здесь, на протяженном и довольно крутом склоне, это воспринималось иначе. Поминутно кто-нибудь падал и скользил вниз, вынуждая товарищей бросаться на снег и зарубаться.

Аля падала очень часто, но как бы это ни изнуряло всех нас, винить ее было не в чем. Каждый следующий шаг мог кончиться точно так же у нас самих.

На дне долины не полегчало. В безветрии поверх льда держался издевательски плотный зной. Из-за него здесь шатало не меньше, чем на более крутом склоне. Одежда, промокнув, липла к телу. По лицу непрерывно тек пот.

Вскоре трещины заставили нас подняться. Траверс снежного борта долины оказался труднее, чем спуск. Инструктора вдобавок побаивались камнепада и командовали: «Быстрее! Быстрее! Смотреть вверх!» – но при всем желании отряд не мог двигаться быстро, и снова многие падали, особенно девушки. На них было жалко смотреть.

Я очень старался не падать и не ослаблять наблюдения за склоном, но не выходил из себя, даже если по чьей-то вине застревал посреди кулуара. Мне тоже хотелось передохнуть.

Мы перебрались на осыпь. С первых шагов стало ясно, что камни нас доконают, если по ним придется долго идти. Неожиданно осыпь прервалась. С площадки, к которой она привела, открылся вид на озеро с бирюзовой водой. Оно лежало внизу между боковыми моренами двух сливающихся ледников и еще одной, более древней. Все три морены были отсыпаны, как по линейке. По воде пробегала легкая рябь. Несколько крупных льдин прибило к берегу. Здесь предстояло заночевать.

И все же инструктора попытались заставить нас сделать больше условленного и снова указали наверх, да еще прочь от озера. Однако никто не пошел. Ругань и уговоры не действовали. Они бы и не заставили нас подняться, если бы не Галина Качалова.

– Ненормальные! – закричала она. – Где вы палатки поставите? Чем расчищать место, лучше подняться! Видали – озеро им понадобилось! А ночевать на чем будете? На камнях?

Голос у нее был звонкий. А кричать она могла так же долго, как и смеяться, то есть без конца, хоть всю дорогу. На то она и была мастер спорта, а уж женщина – буквально с Рубенсовских картин. И сейчас она выставилась перед нами, наверняка рассчитывая на это. Я взял рюкзак и пошел вверх.

Пятьюдесятью метрами выше оказалась благоустроенная площадка, а вид на озеро – лучше прежнего.

– Идиоты проклятые! – выругался я, переполненный всем, что выпало на этих пятидесяти метрах. – Что бы им сразу об этом сказать!

Я снял рюкзак и сел рядом с ним, лицом к озеру, чувствуя, что прожил необыкновенно долгую жизнь и теперь не в силах обладать тем, чего достиг.

Минут через десять я встал и начал разравнивать площадку. Подошел Дьяков. Некоторое время он молча следил за мной, а я нарочно не оборачивался.

– Что, устал, Михаил? – спросил он, наконец.

– Да.

– Я тоже. Как-никак, почти всю дорогу ступени выбивал. Ноги побаливают.

– Ну, еще бы! – на мгновение я снова ощутил себя в глубоком снегу на гребне.

– Завтра будет полегче, пообещал Дьяков, – а пока отдохни, Михаил.

Он почему-то все время называл меня полным именем. В первый момент из-за этого постоянно казалось, что зовут кого-то другого, не меня. Я не ответил, продолжая разравнивать землю. Лучше было отделаться сразу, чем волынить до темноты. Я забыл, что еще рано, до смешного рано. Но все сместилось в сознании благодаря тому, что мы поднялись до зари.

Дьяков смотрел и не отходил, а я думал, сколько это будет продолжаться. Однако он тоже взял ледоруб. Вдвоем у нас пошло веселей.

– А ты куда предпочел бы лететь с гребешка? – неожиданно спросил он.

– С какого гребешка?

– Ну, под перевалом.

Я задумался. По правде говоря, с него никуда не хотелось лететь.

– Налево, по-моему, чуть менее круто.

– Правильно. Но зато слева такой бергшрунд! По мне лучше в него не заглядывать

– А что, справа трещин нет в леднике?

– Да есть-то они там есть, только не такие страшные.

Я засмеялся. Он тоже.

– Надо предупреждать заранее. – сказал я. – В тумане никакого бергшрунда не было видно. Вдруг бы не туда полетели, что тогда?

– Да боялся я напугать вас!

– Это бергшрундом-то? А остальным не пронять?

Мы совсем развеселились. Я понял, к чему он затеял этот разговор. К нам приблизились девушки.

– Что тут у вас? – спросила Аля

– Ничего, ответил Дьяков.

Однако Аля заметила, как он подмигнул мне.

– Так-таки ничего?

– Ничего. А ты что подумала?

Мы расхохотались.

– Сами смеются, а другим не дают. Ну и не надо.

Она устало махнула рукой.

– Подожди, Аля. Достань палатку.

– Палатка у Саши.

– Тем лучше. Стелите вдвоем.

До сих пор с моим примусом не бывало хлопот, но сейчас он упорно не разгорался. Каналы оказались забиты грязью. В лагере мы процедили бензин через вату, но, видно, этого было недостаточно. Зато очищенный примус разгорелся вовсю и мы поставили его вместе с другим во вторую палатку, чтоб на ветру не расходовать лишний бензин. Палатка наполнилась уютным гудением. Борис остался смотреть.

Прежде всего мне надо было сменить носки. Отсыревшие я разложил на прогретых камнях, придавив другими камнями, поменьше. Решить, что надо сделать еще, было не просто. Мысли разбредались – теперь ничто не сдерживало их, – и вещи, которые минуту назад находились в руках, пропадали, и я подолгу искал пропажу, если не забывал по пути, что ищу. Время шло. Голод то и дело напоминал о себе, но обеда все не было. Захватив аппарат, я полез вверх.

Со скалы было видно все разом. Движение в лагере казалось небыстрым, но все же заметным; кое-кто загорал, спрятавшись за камнями от ветра. В глубине лежало бирюзовое озеро, и ледники, обтекавшие его, сверкали на солнце. Справа от лагеря был маленький снежник, а много дальше, за ледовым потоком, поднимались вершины, к которым я не успел привыкнуть, как в первое время, придя в Адыр-Су, не мог освоиться с Уллу-Тау.

Местия обрывалась стеной, над которой мы утром двигались к туру. Туман тогда скрывал высоту отвеса, а в нем было метров пятьсот. Но стены, на которых не держался снег, и скальные

гребни, даже такой огромный, как у Тихтенгена, не подавляли льда, – столько было его в карах и языках. Зато трава выглядела более чем скромно, и теперь я уже не понимал, что меня поразило в ней на перевале Грановского.

Ветер отогнал льдины от берега. В лагере он тоже трепал все, что мог, но особенно сильно – палатки. Тенты дрожали, морщились, хлопали и вдруг, поймав ветер, напрягались, как паруса. Только одну палатку не морщило даже под шквалом. Кто-то здорово поставил ее, точно специально наперекор стихии, и это тоже было красиво и тоже удачно входило в фильм.

Завод в киноаппарате кончился. Я опустил его, накручивая пружину. Взгляд случайно скользнул вбок вдоль камней. Под одним из них укрылись двое. Девушка лежала на спальном мешке, а парень сидел сбоку, привалившись к ее согнутым в коленях ногам. Я понимал, что они отошли не затем, чтоб на них смотрели, и все-таки смотрел, пригвожденный к месту мыслью о том, какого мне черта понадобилось два дня назад добровольно уйти без жены.

Обед еще не был готов. Я забрался в палатку, но едва только вытянулся на своем спальном мешке, как явился Борис. Я понял, что зря заглянул в другую палатку.

– Теперь твоя очередь, – сказал он, давая понять, что не отстанет.

Я не мог отбиваться – рядом спали. Борис это тотчас смекнул.

– Слушай, – громко зашипел он, – в конце концов кто-то должен следить за примусами. А я тоже устал. И так раньше всех на ногах...

Дальше не было смысла слушать. Он действительно встал раньше всех разогревать какао перед Местией, а, главное, он уже не давал мне покоя, будь он проклят, и с ним – все те, кто не может примус разжечь.

– Черт с тобой, отвяжись, – зло сказал я, выбираясь из палатки.

Борис не обиделся. Впрочем, я и не думал, что он огрызнется. Он с наслаждением вытянулся на моем месте – точь-в-точь, как я перед тем.

Я открыл вход в другую палатку как раз вовремя. Один из примусов полыхал открытым огнем. Еще немного и палатка, наверное, вспыхнула бы. Я бросился к рукавице, снял кастрюлю и выставил примус вон. Теперь нужен был ключ, чтоб заткнуть самый факел. На вентиле его не оказалось. Я метнулся в палатку и выхватил ключ из другого примуса. Слава богу, он сразу наделся на вентиль. Рыжий факел потух.

– Ну, Борис, – крикнул я, – еще бы немного – и палатка сгорела бы!

Борис еще не заснул.

– Вот видишь, надо было сразу соглашаться.

Он и впрямь так подумал. Не сгорела палатка – и ладно. Не его дело, что могла и взорваться – не то, что сгореть. Будто не ему полагалось следить за этим примусом. Я подошел к палатке, заставил Бориса взглянуть на меня и сказал:

– А ну, вылезай!

Обед доваривали на одном примусе. С испортившимся ничего не удавалось поделывать. Впопыхах я так плотно завинтил раскаленный вентиль, что теперь его невозможно было открутить. До конца похода оставалась надежда лишь на один примус – на мой.

Мы рано легли спать. Ущелье Башиль уже было затянуто облаками. Однако в палатке не чувствовалось сырости, и потому не хотелось просто так засыпать. Я подумал о Лене, каково ей одной, но представил не ее, а Сашу и подъем на ледник Адыр-Су, Сашины глаза и рот, судорожно хватавший воздух, и, наконец, самое худшее – что ей уже нечем помочь. Лена была не сильнее Саши. Значит, такое могло случиться и с ней. Я постарался вспомнить, что Лене сказали на медосмотре. Ее приняла доктор, та самая, которая шла с нами до ледника. Я тоже в свое время попал на осмотр к ней, и потому легко мог представить, как она выглядела за работой. Она выслушала Лену, измерила давление до и после двадцати приседаний и, не сказав ни слова, отложила карточку в сторону, как и в тот раз, когда принимала меня. Пожалуй, она была слишком привлекательной женщиной, чтобы могла казаться хорошим врачом, но рабо-

тала все же серьезно. Лена решила, что ее отводят, и спросила об этом; врач сказала, что допускает ее к восхождениям, и удивилась, почему Лена подумала иное. В это время вошел другой врач – мужчина. Позже выяснилось, что оба врача – муж и жена, но когда Лена рассказывала о них, это не было нам известно. Да если бы и было, это не изменило бы моего к нему отношения. Его лицо с первого взгляда вызвало антипатию, особенно глаза, выцветшие и вкрадчивые.

Лена ответила, что вот, мол, она, тридцатидвухлетняя дура, решила заняться альпинизмом. Врач возразила:

– Ну и что же? Вы здоровы. Пожалуй, плохо тренированы, только и всего.

Она ответила, как считала нужным по сути дела. Зато мужчина сразу повернул наоборот.

– Что вы, неужели вам тридцать два года? Я бы никогда не подумал.

Я знал, что он не мог так подумать, и знал также, что он подумал на самом деле, особенно если у Лены еще была открыта грудь. Безусловно, этот тип, не стеснясь жены, разглядывал Лену, в точности зная, что жена не осадит его сейчас. Не устроит скандал даже после приема, потому что любит его и при этом, вопреки очевидности, боится признать мужа прохвостом и хамом. Ей еще только предстояло узнать, что осаживать его надо пощечиной, поскольку другое не сможет охладить слишком острый «профессиональный» интерес.

Понемногу я начал успокаиваться. Должно быть, на поддержку уже приходил сон. Я подумал, что Лена, скорее всего, спит, – ей всегда хорошо спалось; она ворчала, если я ей мешал, и безропотно поднималась только к Танюшке; я-то редко слышал ее плач. Лене было труднее, чем мне, бороться со сном. Я злился, что он крадет жизнь и сознание, а Лена погружалась в него, словно в родную стихию, и позволяла ему овладевать собой так полно, как я еще ни разу не овладевал ей. Но на этот раз я не ревновал ко сну. Выспаться было слишком важно. Чтобы мы оба отдохнули, – она и я.

Я заснул и спал крепко, без видений, пока меня не потрясли за плечо. Снаружи были холод и темнота. Как всегда. Когда-то, давным-давно, жизнь шла иначе, но трудно было вспомнить, когда.

V

Дьяков, позавтракавший у Качаловой, сварливо торопил нас. Мы молча допивали какао, а он раздражался все больше и больше, видя, что все черпают кружку за кружкой.

Мы еще связывались, когда отделение Качаловой скрылось за гребнем. Дьяков сказал:

– Ребята, сейчас выйдем на полки. Будет много живых камней. Увидите сами, как сыпется. Поэтому идти осторожно, следить за веревкой – чтоб не болталась, и держаться возможно ближе друг к другу, ясно? И давайте больше не чикаться, чтоб это было в последний раз.

Полки вели в обход ледопада. Облака, из которых только что выпал дождь, закрывали ущелье Башиль. За поворотом исчезло ледниковое озеро. Вскоре мы убедились, что Дьяков не зря предупреждал нас насчет камней. Здесь сыпалось или могло посыпаться решительно все, за что бы ни взялся. К тому же у каждого, кто не шел во главе связки, были заняты обе руки. Левая годилась только для опоры – в ней были сжаты кольца веревки. Захваты я мог делать одной правой, предварительно выпустив из нее ледоруб. Тот начинал крутиться на темляке, задевая головой то ноги, то камни. Я выходил из себя, но не мог изловчиться и сделать так, чтобы ледоруб ни за что не задевал. Однако прицепить его к рюкзаку и избавиться себя от хлопот было невозможно. Дьяков не допустил бы этого, да и рюкзак стал бы тяжелей. А за три дня похода в нем как будто так ничего и не убавилось.

Полки становились все круче и неприглядней. Боль в плечах уже почти не давала идти, но остальные, поглядывая друг на друга, молчали, и приходилось терпеть. Круг замыкался. Никому не улыбалось первому выходить из него.

Пожалуй, Борису без веревки в руках было несколько легче, но Бориса я почти не видел за Алей. Зато у нее просматривал каждый шаг, особенно после того, как начал догадываться, отчего в такой степени устаю. Выбравшись на мало-мальски прочный уступ, Аля замирала у самого края. Стоило сделать шаг или два – и я бы не застревал посреди сыпучки, но Аля освобождала место только после того, как Борис начинал тянуть, и мне никак не удавалось воспользоваться передышкой, хотя на уступе мы могли поместиться втроем. Это случалось раз за разом. Я тратил последние силы, стараясь не съехать с камнями вниз. Ругань так и рвалась с языка, и дело кончилось бы скандалом, если бы вдруг мы не оставили полки и не перешли на ледник.

Здесь полегчало. Подъем был прямой и спокойный. Просто замечательный после этих полок. Мы шли в ровном темпе; под ногами поскрипывал плотный смерзшийся снег. Он засиял, когда выглянуло солнце. Из ущелья Башиль, открывая вершину за вершиной, чередой выплывали облака. Было очень тихо и жарко. Мы разделись напротив склона Ору-Баши, иссеченного следами недавних лавин. Впереди, неуклонно приближаясь, вырисовывался перевал Голубева.

Без штормовки дышалось удивительно легко. Вначале это казалось странным, но потом я привык и перестал замечать, вслушиваясь в глухую поступь ног и позвякивание колец на ледорубах. Темп не мешал оглядываться и снимать. Недавние мучения на полках забылись.

Ледник широчайшей дорогой уходил вниз и назад к ущелью Башиль. Судя по тому, как теперь выглядел гребень Тихтенгена, мы изрядно набрали высоту. До перевала оставалось немного – один некрутой взлет. Мы одолели его все так же спокойно и ровно. За скальным барьером лежало ущелье Южное Юном-Су. Я поставил рюкзак в каменную нишу и обернулся.

Горы отступили вдаль. Между ними и мной лежал воздушный океан. Дном его был ледник, устремленный к подножью Тихтенгена. Чудовищный гребень этой вершины казался теперь небольшим. А дальше высились новые горы, и, чтобы взойти на каждую из них, не хватило бы жизни.

Аля стояла рядом и улыбалась. Я похлопал ее по плечу, будто не из-за нее отдыхал на сыпучке. Здесь даже с ней было приятно. Плата осталась в прошлом и не выглядела слишком большой.

Безенгийская стена имела ровный, почти без понижений, гребень огромной протяженности, подпирающий горизонт. Дальше не было ничего выше, но в одном ряду с ней поднимались две обособленные пирамиды, и правую я узнал. Мы с Леной видели Тетнульд из Сванетии пять лет назад.

Прошлое мелькнуло и исчезло, так и не начав развиваться в памяти, да и я больше не смотрел на Тетнульд. Но голова заработала спокойно, точно перед этим не было опьянения, и горы уже не получили обратно того, что они лишь на миг от себя отпустили.

Дьяков, управлявший спуском, оставил нас на последнюю очередь. Пользуясь этим, я снял панораму хребтов. Пленка кончилась. Я собрался заменить ее новой, но тут Дьяков вызвал связку к себе.

Судя по тому, что, стоя в шаге от края площадки, я не видел ни склона, ни тех, кто ушел вниз передо мной, спуск был очень крутой. Я пристегнулся к перилам, сделал шаг и заглянул под ноги. Впечатление было такое, что мне придется встать Але на голову. Сама Аля уже как будто стояла на голове у Бориса, а Борис – у кого-то еще. Все они как-то странно болтались на веревке и медленно переступали из следа в след. Движения у них были неловкие и очень смешные. Но когда я повернулся лицом к склону и пошел вниз, все мигом прояснилось и перестало казаться смешным. Кто бы ни натягивал веревку, остальных валило лицом или набок в снег. Я очутился среди других паяцев поневоле. Дьяков сверху кричал, чтоб не держались за веревку. Поздно спохватился. Лучше бы вовремя велел завязать скользящий узел концом репшура – никого бы тогда не тянуло, хоть ты повисни, и все бы прошло без хлопот.

Спустившись на длину перил, я отстегнулся и бросился вслед за Борисом и Алей. Они сорвались с места, едва у меня в руке щелкнул отстегнутый карабин. Снег был очень глубок. Следы в нем зияли, как колодцы, и, чтобы не спотыкаться, вваливаясь в них, каждый забирал на целину влево, на возрастающую крутизну, и топтал новый след. Я бежал с ледорубом на самостраховке, не упуская из вида Алю и вглядываясь в быстро приближающийся ледник. Я запарился, но некогда было вытереть пот со лба, пока крутизна, как при выходе из пике, не стала, наконец, уменьшаться. Следы слились воедино, и по этой тропинке мы добежали до ребят, сидевших на рюкзаках и ожидавших товарищей.

Я тоже сел на рюкзак лицом к перевалу, торопясь зарядить аппарат до того, как Дьяков начнет спускаться.

Катушка встала на место, я убедился, что пленка идет, и сразу вскинул аппарат, потому что Дьяков и кто-то еще уже побежали. Аппарат стрекотал и легонько подрагивал. В окошко было видно, как две маленькие фигурки, высоко поднимая ноги, вновь погружали их в снег вниз перед собой. Они спускались хорошо, однако не так быстро, как я рассчитывал, но и это было красиво на фоне снежника и крутых перевальных скал, и я не пожалел, что так торопился.

Ледник Южный Юном-Су оказался прямым и спокойным, – как тот, по которому мы поднялись на перевал. Адыр-Су-Баши и другие пики Южного Адырского отрога обрывались сюда сверкающими снежными стенами. Впереди темнели скалы Куллум-Кола. До их подножья и предстояло сегодня дойти.

Дьяков взял быстрый темп. Трещины, да и то забитые снегом, встречались нечасто, и если кто и проваливался в них до колен, то чувства опасности все же не возникало. По ледяным желобам вперегонки с нами весело мчали ручьи. Мы удалялись от перевала, и он становился все меньше, но четкость линий не пропадала, и выглядел он почти так же, как и вблизи.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.